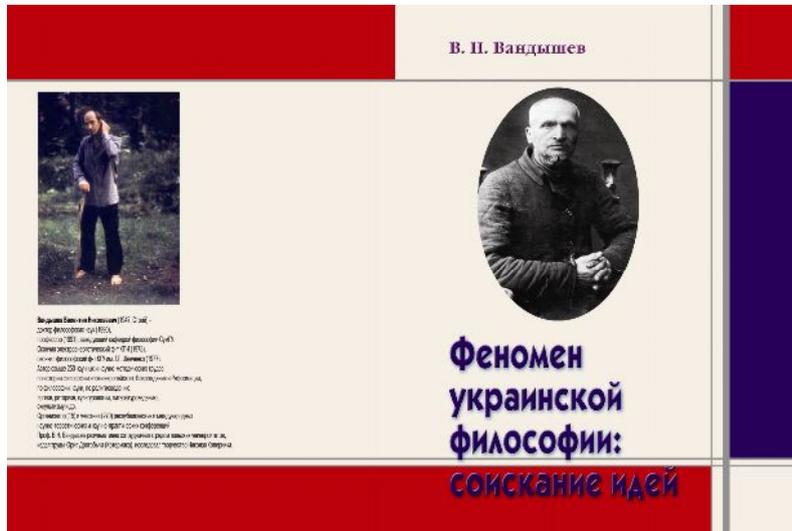

Заветный С. А., Переломова Е. С.

**ФИЛОСОФИЯ КОСМИЗМА В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФИЛОСОФИИ И СОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО
КОСМИЗМА**

(некоторые мысли по поводу двух монографий проф. В.Н. Вандышева)

В 2009 году в издательстве СумГУ наряду с другими работами д-ра философских наук, проф. В.Н. Вандышева увидели свет и две его монографии «Феномен украинской философии: соискание идей»: Монографія.– Суми: Вид-во СумДУ, 2009. – 144 с. и «Социософия русского космизма»: Монографія.– Сумы: Изд-во СумГУ, 2009. – 168 с. Объединяет эти две монографии стремление

автора увидеть филиацию философских идей в отечественной философской мысли на протяжении ряда столетий.

Говоря об отечественной философской мысли, автор со всей определённой подчёркивает, что «отечественная» для него означает, «происходящая из Киевской Руси». При этом он считает недопустимым игнорировать движение славянских народов, их тесные контакты и взаимное влияние друг на друга в эпоху распространения христианства. Отечественная – это также и связанная с совместной историей развития украинского и русского народов. Естественно, что наибольший интерес для автора представляет история философствования на Украине.

В то же время автор усматривает существенное различие между славянским и западноевропейским мировоззрением. Мировоззрение народа меняется очень медленно, даже если внешне кажется, что новая жизнь далека от прежней. Автор замечает, что для западного мировоззрения характерна вера в непреложный фатум, неотвратимый рок, отсюда и фаталистический облик античного язычества, и католичество, получившее от них в наследство представление о предопределении, особенно глубоко разработанное Аврелием Августином. Напротив, славяне, как заметил наблюдательный византийский мыслитель VI века Прокопий Кесарийский, судьбы не знают. Славяне не знают судьбы-фатума, судьбы как неизбежного предопределения, рока. Для славян есть судьба-фортуна, судьба, с которой можно договориться, которую можно уговорить. Показательна в этом плане судьба князя Олега, скончавшегося в 912 году.

Структура монографии складывается из шести разделов-очерков. В первом рассмотрены истоки отечественной философской мысли. Центральные фигуры здесь митрополиты Киевские Илларион и Георгий, игумен Киево-Печерского монастыря Феодосий Печерский. Интересным представляется обращение автора монографии к личности Даниила Заточника, который в своём «Слове» сформулировал глубокие социально-нравственные идеи, провидение основных проблем и проклятых вопросов отечественной жизни.

«Заточник» он не в прямом смысле этого слова, он не заточен в темницу. Он «заточён» самими обстоятельствами жизни, поскольку выпал из той жизни, которой желал, потерял своё место в мире. Этот человек, возможно, по причине своих личных несчастий сумел обостренно воспринять окружавший его мир, социально-экономические и нравственно-политические реалии Киевской Руси. Терзаемый нищетой автор вопиёт к князю, просит избавить его от этой нищеты. Нищета потрясает человека, мешает ему правильно мыслить о жизни. Легко рассуждать и мудрствовать о чужой беде, но свою осмыслить не всяк сумеет. А посему: лучше слушать умных, чем наставления безумных. Бессмысленно учить глупого, – это то же, что лить вино в утлые мехи.

Возможно, давая общую оценку идей Даниила Заточника, автор и категоричен, но приведём его выводы целиком: *«А в итоге Даниил Заточник удивительно точно показал, что тяготит его современников и будет тяготить потомков-украинцев: жадность и корыстолюбие имеющих власть; «несмысленные» богачи, неспособные грамотно распорядиться своим богатством; скупые князья; злообразные жёны; слуги злые и прихлебатели. Если к этому добавить ещё меткое замечание Прокопия Кессарийского о нашей вере в судьбу-фортуна, в судьбу, с которой можно договориться, которую можно уговорить, то получится более менее исчерпывающая картина душевного мира истинного украинца»* (С. 11).

Заслуживает положительной оценки и приведенный в этом же разделе большой отрывок из «Палеи Коломенской». Этот текст важен как образец интерпретации библейских текстов, помогающий современному читателю понять, каким был свод библейских знаний для украинца в XV-XVIII вв.

Во втором очерке дано вполне оригинальное представление о философии в Киево-Могилянской академии. Здесь автор дал глубокую и всестороннюю оценку вклада Митрополита Киевского Петра Могилы в развитие отечественной философско-богословской мысли и культуры в целом. Заслуживает внимания приведенное определение П. Могилой сущности свободы: «Свобода человека есть произвольное, независимое желание, происходящее от разума или разумной души, делать добро или зло» (С. 34). Это определение чрезвычайно важно ещё и в том смысле, что позволяет решить проблему потустороннего бытия души человека.

Автор рассматривает философско-богословские воззрения ряда профессоров Киево-Могилянского Коллегиума. Среди них Иннокентий Гизель, Симеон Полоцкий, Феофан Прокопович и др. Особое место уделено личности и учению Г.С. Сковороды. Автор монографии особо подчёркивает аристократизм духа Григория Савича, который не мог согласиться с теми, кто принизил знание, низведя его с Неба на грешную землю, кто абсолютизировал чувственное, презрев духовное. Весьма наглядное свидетельство этому письмо от 28 (29?) октября 1763 года М. Ковалинскому, где он предостерегал того от преувеличения значения телесной смерти, которой как раз и не следует избегать. Сковорода призывал Михаила «отдаляться от ужасно развращенной черни!», потому что именно черни (*vulgo, plebs*) присуще человеческое невежество, а Сковорода оплакивал невежество людей. Это и является позицией философа, созвучной заявлению Гераклита Эфесского: «Один для меня равняется десяти тысячам, если он наилучший».

Особый интерес вызывает «многослойный» анализ В.Н. Вандышевым учения Сковороды о трёх мирах, о мире в трёх его ипостасях: Библия – это мир символический; космос – мир небесный; человек – маленький мирик. Эта схема более понятна в терминах макрокосм и микрокосм. Автор монографии пишет: «Учение о трех мирах – важный элемент мировоззрения Григория Савича, поскольку здесь он демонстрирует понимание взаимосвязи Вселенной с человеком через посредство совокупности боговдохновенного знания. Это знание может приходиться и из сердца самого человека и из наблюдений за окружающим миром. Мир Библии – мир

символический, мир знания, мир информации. Следовательно, если высказываться языком, привычным для сегодняшнего образованного человека, то *мир библейский – это ноосфера*» (С. 44. – Подчёркнуто нами: С. З. и Е. П.).

Оригинальной и вполне обоснованным представляется утверждение профессора Вандышева еще об одном аспекте «учения о трех мирах», практическое применение которого определённно демонстрировал в своих работах Г.С. Сковорода, различая три значения уже самого понятия «мир».

1. «Мыр» – как определение мира материального, телесного, преходящего. Например, Песнь 28-я из «Сада божественных песен»: «Что пользы человеку, аще приобретает мыр весь, отщегитя же души своей?» или из «Благородного Еродия»: «... возлюбив суету мыра сего паче бысерей...».

2. «Мир» – как определение мира души, нравственного состояния умиротворённости, мира и покоя в душе человека: «... душевной мир приуготовляется издали, тихо втайне сердца растёт и усиливается...». То же понимание мира мы видим и в определении Библии, которая «есть *новый мир*».

3. «Мір» – как сообщество людей, община, окружающие нас люди. Эпитафия на могиле самого Сковороды: «Мір ловил меня, но не поймал».

Достаточно глубоко и порой оригинально, но в соответствии с духом учений, рассмотрел проф. Вандышев отечественную философскую культуру XIX века, а также философские идеи в Украине на рубеже XIX-XX вв. Здесь исследованы идеи представителей академической и университетской философии, религиозно-философские идеи Н.В. Гоголя, религиозно-идеалистическая философия П.Д. Юркевича, Н.Я. Грота, философия языка А.А. Потебни, позитивизм В.В. Лесевича, неокантианство Г.И. Челпанова, социология М.П. Драгоманова, И.Я. Франко, Д.И. Донцова и др.

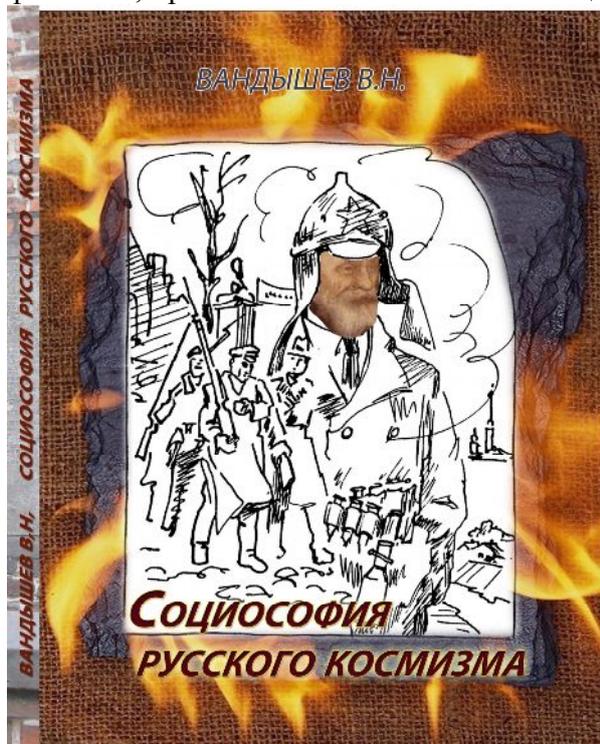
Вполне самобытным представляется и содержание последнего раздела-очерка «Концепт реальности в отечественной философии XX в. (идеи Н.Ф. Федорова в контексте русского коммунизма). Автор подчёркивает, что методологическим принципом организации науки, по мнению Федорова, должен стать принцип тождества разума практического и разума теоретического. Разум практический при этом рассматриваем как правящий, как регуляция, т.е. обращение слепого хода природы в разумный.

В то же время, В.Н. Вандышев определённно видит противоречивость и в учении самого Федорова, для которого злоупотреблением является стремление к знанию как цели, замена дела мирозерцанием, т.е. культ идей (идеолатрия). Прогресс, отождествляемый с эволюцией, по мнению Фёдорова, заимствован у слепой природы, но прилагается к человеческой жизни. Здесь извращена нормальная логика процесса. Прогресс от низшего в высшему, от худшему к лучшему применительно к человеку требует, чтобы недостатки слепой природы были исправлены сознающей эти недостатки природой, т.е. совокупною силою человеческого рода. Понятно, что идеи дарвинизма неприемлемы для Фёдорова. Сложная диалектика существования и сущего обретает в концепции Фёдорова своеобразное звучание: «... с переходом ученого сословия от знания к делу и прогресс перейдет от знания того, что есть, к знанию того, что должно быть». И на эти слова следует обратить особое внимание.

В своём анализе учения Н.Ф. Федорова проф. Вандышев показывает, как там удивительным образом переплетаются прагматизм и вера, эмпиризм и волюнтаризм, желание счастья, бессмертия и вечного блаженства. Достижение всеобщего воскрешения превращает мир несвободы, физической необходимости в мир сознательный и свободный. Всеобщее воскрешение – это не мечта, не идеал – это проект, утверждал Федоров. Естественно, это трудная задача, требующая труда и доблести всех, чтобы обратить слепую

силу природы в управляемую разумом. Здесь очевидна вдохновляющая диалектика феномена: устраняя из своих действий личные побуждения, стремление к личному счастью каждый человек в итоге их и получит в виде блага личного бессмертия (С. 125-126).

Учение Федорова обрело реальную жизнь в процессе социалистического и коммунистического строительства. Велика роль в этом отечественных писателей и публицистов, обосновывавших и воплощавших в своих произведениях идеи нового реализма – социалистического. Сам Федоров сетовал, что прогресс в искусстве не довольствуется лишь признанием зла, он жаждет удвоения его, выпячивания, «упивается им в реалистическом искусстве». Естественно, что новый реализм должен был зло скрыть, воспевая идеальное добро будущего. Соцреализм принял и другую идею мыслителя, что с переходом ученого сословия от знания к делу и прогресс перейдет от знания того, *что есть*, к знанию того, *что должно быть*. И на эти слова следует обратить особое внимание, поскольку соцреализм как раз и ударился в фантазии, принялся живописать что и как должно быть.

Именно попытка углубленно представить сущность философии русского космизма и её влияние на судьбы отечественной жизни и нашла своё воплощение во второй из рецензируемых монографий «Социософия русского космизма». Эту монографию можно рассматривать и как работу научно-популярную, учитывая особый стиль изложения материала.

На широком социально-политическом фоне рассмотрена эпопея реализации идеи Н.Ф. Федорова о воскрешении людей, прежде живших. Основные действующие лица, прямо или косвенно участвовавшие в обсуждении или практическом воплощении идеи воскрешения, по мнению автора: В.С. Соловьев, К.Э. Циолковский, А.М. Буглеров, Д.И. Менделеев, Н.А. Бердяев, А.А. Богданов, А.М. Горь-

кий, А.В. Луначарский, а также ряд соратников В.И. Ленина. Поднимается тема работы научно-исследовательской лаборатории, где на рубеже XIX-XX вв. занимались проблемой клонирования и реального продолжения жизни человека. Монография не лишена элементов мистификации, духа астрологии и оккультизма. Интересной представляется и роль в судьбах главных героев известного чешского астролога Яна Кефера, выдающегося учёного и инженера Николы Теслы и др.

Надеемся, что указанные монографии увидят свет в каком-то центральном издательстве и станут более доступными для массового читателя.